УДК 81-112.2

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-22-29

ОПИСАТЕЛЬНЫЙ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННОЙ ОБОРОТ: СЕМАНТИКА, СТРУКТУРА, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»)

Константинов Е. С.

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Представить структурную и семантическую характеристику описательного глагольно-именного оборота, описать функционирование его в диахронном аспекте на материале «Повести временных лет».

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляют общенаучные (наблюдение, описание, синтез, анализ) и лингвистические (метод компонентного анализа, метод контекстуального анализа) методы.

Результаты. Результатами работы стало описание структуры, семантики и функционирования 312 устойчивых единиц, собранных методом сплошной выборки из текста «Повести временных лет».

Теоретическая и/или практическая значимость. Рассмотрение описательного глагольно-именного оборота как особой устойчивой единицы древнерусского языка позволяет расширить представление о составе «переходных» явлений между свободными словосочетаниями и фразеологизмами.

Ключевые слова: описательный глагольно-именный оборот, диахрония, устойчивые единицы, синкретичное значение, вариативность

VERBAL-NOMINAL PHRASES: SEMANTICS, STRUCTURE, FUNCTIONING (ON THE MATERIAL OF "PRIMARY CHRONICLE")

E. Konstantinov

Alexander and Nikolay Stoletov Vladimir State University
87 Gorky ul., Vladimir 600000, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of this work is to present the structural and semantic characteristics of verbal-nominal phrases functioning in a diachrony using the example of the "Primary Chronicle".

Methodology. In the course of the work we used general scientific (observation, description, synthesis, analysis) and linguistic (component analysis method, contextual analysis method) methods.

Results. The work results described the structure, semantics, and functioning of 312 stable units collected using continuous sampling.

Research implications. The description of verbal-nominal phrases as special stable units of the Old Russian language makes it possible to expand the understanding of the composition of "transitional" phenomena between free phrases and phraseological units.

Keywords: verbal-nominal phrase, diachrony, stable units, syncretic meaning, variability

Введение

Описательный глагольно-именной оборот (ОГИО) – термин, введённый в научное употребление П. А. Лекантом. Учёный определяет его как «синтаксическую конструкцию, основанную на несвободном употреблении глагола-призрака (глагола, лишённого в составе данной конструкции определённого вещественного содержания), семантически неделимую, обладающую всеми категориальными и формальными признаками глагола (значение процесса, формы спряжения и вида) и выполняющую в предложении функцию простого глагольного сказуемого» [7, с. 151]. Эту единицу изучали такие учёные, как В. В. Виноградов, М. М. Копыленко, П. А. Лекант, В. В. Колесов, Е. Н. Лагузова, М. Вас. Пименова, О. П. Лопутко и др.

Следует отметить, что в настоящее время представлено подробнейшее описание ОГИО в синхронном аспекте, в то время как диахронный материал остаётся мало изученным. П. А. Лекант пишет, что источниками для данных оборотов могут быть как кальки с различных языков (греческого, французского), так и сам старославянский язык [8, с. 47]. Ввиду этого актуальность исследования предопределена тем, что изучение семантики, структуры и функционирования ОГИО в диахронном аспекте представлено недостаточно. Источником для данной работы стала «Повесть временных лет» – важнейший памятник древнерусской литературы XII в. Использование летописных отрывков обусловлено тем, что образцы, эталоны повествования, вырабатываемые древнерусской литературой, закреплялись непосредственно в летописных повествовательных источниках.

Структурная характеристика

Описательные глагольно-именные обороты имеют аналитическую структуру. Этим объясняется близость к словосочетанию, построенному на базе подчинительной связи [6, с. 14]. Главным с грамматической точки зрения будет являться

глагол, а зависимым – абстрактное имя существительное. Однако в отличие от свободных словосочетаний, где глагол в определённом значении способен управлять существительными в различных падежах, ОГИО закрепляет за глаголом одну или две модели управления.

В исследованных памятниках наиболее продуктивной является конструкция «**глагол + существительное (В. п.)**»: *творити убийство, имѣти прю, дѣяти спасенье* [12, с. 182]. А. М. Пешковский отмечает, что «глаголы, управляющие винительным падежом, теснее связаны со своим падежом, чем все другие глаголы, потому что этот падеж возможен только при глаголе и глагольном слове» [10, с. 288]. Эта конструкция передаёт объектное значение, указывая на действие или предмет, обозначенные в именном компоненте ОГИО: *Си жи внутри суду внядше, много убийство крестьяномъ створиша...*¹; *Онѣ же смѣживъ очи и предасть духъ в руцѣ Божии*²; *...къ свекровемъ и деверемъ велико стыдѣнье имѣху*³.

Вместе с тем конструкция может иметь вид «**глагол + предлог + существительное (В. п.)**». Предлог в данном случае не только указывает на падеж именного компонента, но и более чётко показывает объектную связь между составляющими единицами глагольно-именного оборота: *...И дошедъ великаго дни Вскресения, по обычаю празновавъ свѣтло, впаде в болезнь*⁴; *Аще который братъ впадетъ в кое любо прегрѣшение...*⁵; *...и яко съкончашася дѣние Володимиру, уже минувшемъ лѣтомъ 28 по святѣмъ крещении, впаде въ недугъ крѣпкъ*⁶. Обороты такого типа содержат в себе предлог **въ**, который употребляется при указании на изменение физического или нравственного состояния, семантическое ядро которого содержится в именном компоненте.

¹ Повесть временных лет [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/?tabid=4869> (дата обращения: 14.01.2021).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Компоненты многих глагольно-именных оборотов могут иметь контактное расположение: *Аще бо възмете рать межю собою, погани имуть радоватися и возмутъ землю нашу...*¹ Наблюдается и дистантное употребление компонентов: *Днять бо мужеви своему благо все житье*²; *Половць воеваша много и възвратишася к Торъческому; изнемогиша людье въ градъ от глада и предашася ратнымъ...*³

Семантическая характеристика

По мнению В. В. Колесова, основной чертой произведений Древней Руси было «наполнение словесного знака образным смыслом» [4, с. 405]. Эта особенность связана с существованием определённых действий: ритуальных, сакральных, мифологических, народно-фольклорных, бытовых. Например: *И вдасть ей дары многы, золото и серебро, паволокы, съсуды разноличныя и отпусти ю, нарекъ ю дщерь себѣ*⁴; *Си же братья взяша Мънскѣ, исъсѣкоша мужи, а жены и дѣти взяша на щиты, и поидоша къ Немизѣ...*⁵ В этом плане наиболее продуктивны обороты с десемантизированными глаголами типа *дати*, *имети*, *творити*, *дѣти*. Они являются лишь формальным показателем без лексического значения при формировании устойчивого оборота. Значение процесса или состояния привносит только именной компонент. Например: *Сдѣя въ тѣ день Господь спасенье велико: мѣсяца иуля въ 19 день побѣжени быша иноплемьеници...*⁶; *И въздаша хвалу Богу въ тѣ день*⁷; *Паче же всего имѣти любовь в себе к мѣншимъ и къ старѣйшимъ покорение и послушание*⁸; *О сем, аще кто от хрестьянъ или от Руси мученья образом искусь творити...*⁹ Иными словами, то или

иное добавочное значение в многозначном глаголе может слабеть, и тогда глагол переходит на положение вспомогательного, т. е. десемантизируется [2, с. 129–142].

Такое функционирование глагольного компонента позволяет соотнести ОГИО с одной глагольной лексемой, которая будет однокоренной по отношению к именному компоненту (*имѣти любовь* – ‘любить’, *сдѣяти спасенье* – ‘спасти’), однако такое удаётся сделать не всегда. Как считает Н. С. Дмитриева, это можно объяснить тем, что «глагол в сочетаниях не претерпевает полной десемантизации, не становится всего лишь показателем таких собственно грамматических знаний, как процессуальность, наклонение, вид, время, лицо. Он несёт в себе и разного рода семантическую информацию» [3, с. 76]. Описательный глагольно-именный оборот, конечно, может служить коррелятом однокоренного глагола за счёт своего именного компонента, но общее значение складывается из отдельных компонентов – глагола и имени. Это становится возможным потому, что глагол не теряет полностью своего лексического наполнения, не становится исключительно вспомогательным компонентом. «Убедительнее всего это обнаруживается при сопоставлении вариантных описаний к одному и тому же глаголу» [3, с. 78]. Особенно хорошо это можно проследить на примере ОГИО, которые соотносятся с лексемой *умирать*. В древнерусских памятниках гибель на поле боя, мученическая смерть, кара Божья описываются очень широко. И. С. Носов выделяет 8 групп лексических средств, которые описывают смерть в различных условиях [9, с. 386]. Например: *Распятъ же ся, смерти вкуси беззгрѣшный и възкресъ въ своей плоти...*¹⁰; *Се азъ отхожу от васъ, якоже яви ми Господь в постыное время, в нещерь ми суцю, изыити от свѣта сего*¹¹; *От сего ли лѣба смерть мнѣ взятии?*¹²

Кроме того, глагольный компонент ОГИО может иметь разную экспрессив-

¹ Повесть временных лет [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/?tabid=4869> (дата обращения: 14.01.2021).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

ную, стилистическую окраску при общем семантическом наполнении: ...*И прѣходя от дѣла в дѣло уншее, обычныя **молбы** Богу **узда** и воню благоуханья...*¹; ...*и повелѣваше сему Дѣмьяну **молитву творити** над болящимъ...*² При общем значении 'молиться' первый оборот имеет более возвышенную окраску. В объём информации, которую передаёт ОГИО, глагольный компонент также может привносить различные фазовые компоненты протекания действия: его начало, продолжение и окончание. Например, на длительность указывает следующий оборот: ...*А по иным дни **прѣбываше** в постѣ и **въ молитвѣ**, и въздержашеся крѣпко*³.

Помимо глагольных компонентов, часть которых всё же имеет семантический коэффициент, примечательны и имена существительные, входящие в состав описательного глагольно-именного оборота. Конкретная именная лексика, используемая в ОГИО для обозначения определённых ритуальных действий, может расширять свой семантический потенциал. Так, в древнерусских памятниках часто можно встретить слово *рядъ*, которое имеет значение 'договор, уговор, условие, соглашение'. Употребляться оно может в нескольких устойчивых конструкциях: *дати рядъ* – 'сделать распоряжение, распорядиться'; *положити рядъ* – 'заключить договор'; *преступити рядъ* – 'нарушить договор'. Например: *Посла Олегъ мужи свои... и **положити ряды** межи Гръки и Русью*⁴. С найденными примерами соотносится глагол *рядити* – 'договариваться', однако использование глагольно-именных конструкций показывает, что полного соответствия между значениями всех лексико-семантических вариантов и значением однокоренного коррелята не происходит. Именной компонент используется как символ процесса, являясь его семантическим стерж-

нем. Использование вспомогательных глаголов лишь уточняет аспекты его протекания. В этом можно убедиться, обратившись к именному компоненту *дары*: *Авель же принесе от агнець первенець, и **прия** богъ **даровъ** его*⁵. Семантический центр оборота называет процесс одаривания кого-либо. Описательный глагольно-именный оборот не может быть соотнесён только со значением глагола *дарити*, поскольку он семантически шире, так как указывает ещё на деятеля и на объект действия.

Е. Н. Лагузова пишет, что глагольно-именная модель невозможна без включения в неё абстрактных существительных – это её основное и ядерное наполнение. Всю совокупность именных компонентов ОГИО можно подразделить на несколько категорий: в образовании устойчивых конструкций участвуют либо имена, обозначающие действие, либо имена, обозначающие состояние [5, с. 93].

В широком смысле состояние следует понимать как 'положение, в котором то-либо, что-либо находится'. Т. е. оно подразумевает наличие субъекта, который может его испытывать. Поскольку им чаще всего является древний русич (реже – Бог), то среди оборотов, имеющих в своём составе абстрактное существительное, можно выделить несколько подгрупп.

К первой группе относятся именные компоненты, которые способны обозначать эмоциональное состояние или отношение: радость, любовь, стыд, страх. Например: ...*Не въздающе зла за зло, и ни клеветы за клевету, но **любовию прильпимся** Господь Божь нашем, по-стомъ и рыданиемъ...*⁶; ...*спаса нашего Иисуса Христа **въздати** комуждо противу трудомъ неизреченную **радость**, юже буди улучшить всимъ крестьяномъ*⁷; ...*къ свекровемъ и деверемъ велико **стыдньне имьху**...*⁸ Предметное обозначение этих состояний расширяет круг их использования. Так, существительное *любовь* может

¹ Повесть временных лет [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/?tabid=4869> (дата обращения: 14.01.2021).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

обозначать как чувство, высокую степень расположения к кому-либо, так и состояние мира. Причём последнее значение реализуется гораздо чаще. Это хорошо можно проследить в примерах, где в однородном ряду сочетаются два именных компонента: *На Давида пришел есмь, а с вама хощю имѣти миръ и любовь*¹.

Помимо эмоционального состояния именной компонент может характеризовать ещё и физическое, например: *Аще не придеши, хотяять ся людье предати, не могуще глада терпѣти*²; ...и яко съкончашася дѣние Володимиру, уже минувшемъ лѣтомъ 28 по святѣмъ крещении, *въпаде въ недугъ крѣпкъ*³; *И потому нача крѣплѣ жити и въздержание имѣти, пощенье и бдѣние*⁴.

Специфической чертой семантики большинства устойчивых глагольных оборотов является то, что они связаны с особым денотатом, который условно можно определить как «раздваивающийся»: действие (глагол) + объект действия, совпадающий с его результатом (существительное) [13, с. 250]. Наличие «раздвоения» становится особенно наглядным при сопоставлении устойчивого глагольного оборота с одной лексической единицей, которой его можно заменить фактически без какого-либо изменения значения. Кроме того, бытование ОГИО в древнерусских текстах поддерживается не только десемантизацией лексического значения глагола (полной или частичной), не только семантической синкретсией, но и особыми ритуальными действиями из разных сфер жизни общества: *И тако внидоша в постъ братья и со игуменомъ...*⁵

Вариативность

Исследуя диахронный материал, нельзя игнорировать то, что устойчивые компоненты текста могут обладать высокой сте-

пенью вариативности (вариантности), под которой понимается «представление о разных способах выражения какой-либо языковой сущности как об её модификации, разновидности или как об отклонении от некоторой нормы» [15, с. 80].

Вариантность древнерусских устойчивых оборотов интересна не сама по себе. Ф. П. Филин пишет, что она – «одно из важнейших условий развития языка, поскольку через изменение соотношений между вариантами ... происходят многие сдвиги на всех языковых уровнях» [16, с. 11]. Т. е. вариативность ведёт к изменению языковой единицы на всех уровнях: фонематическом, словообразовательном, лексическом, морфологическом и синтаксическом.

Первый уровень, на котором проявляется варьирование оборотов, выделенных в результате исследования, – фонетический и фонематический. Варьироваться может как произношение и ударение, так и составы фонем слова. Например: *Се сынъ твой убьенъ, а мы изнемогаемъ голодомъ*⁶ – *Половци же начаша налѣгати, отоимати воду, изнемогати начаша у городъ людье жажою водною и голодомъ*⁷. Данные примеры являются иллюстрацией процесса, которому подверглись дифтонгические сочетания с плавными согласными фонемами (<р>, <р'>, <л>, <л'>). Наличие полногласия и неполногласия в памятниках XI–XVI вв. можно объяснить влиянием книжных церковно-славянских традиций на древнерусский текст.

На словообразовательном уровне при тождестве грамматической функции могут наблюдаться чередования морфем. Это явление практически не представлено среди анализируемых единиц. В случаях, когда оно имеет место, именные компоненты различаются наличием / отсутствием суффикса *-ени-*: ...*Но сами ся мучать, и то творять мовенье собѣ...*¹ – ...*повель Ольга мовь створити*². Однако это чередование ведёт ещё и к определённым лексическим расхождениям. Суффикс *-ени-* обычно применяется для образования абстрактных существительных от глагольных основ. Существительное *мовь*

¹ Повесть временных лет [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/?tabid=4869> (дата обращения: 14.01.2021).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

(*мовъ*) имеет значение 'баня; мытьё в бане' и является бессуффиксальным именем, которое произошло от **myti* (*se*). Существительное же *мо́венье* обозначает процесс мытья как таковой [14, с. 229] и имеет при себе суффикс *-ени-*. А. Г. Бобров отмечает устойчивость этой конструкции [1, с. 109]. Вероятно, словообразовательное чередование привело и к развитию лексического значения именных компонентов.

Среди анализируемых единиц также можно заметить чередование числа именных компонентов: *Азъ бо не хочу тяжькы дани възложити на васъ...*³ – *Иде Олегъ на ствьары, и побьди ствьеры, и възложи на нихъ дань легьку*⁴. За счёт распространителей обороты обретают качественную характеристику. Возможно, чередуясь в числе, они приобретают дополнительные семантические оттенки, которые количественно характеризуют действие.

Заключение

Таким образом, описательный глагольно-именной оборот – устойчивая формула древнерусского языка, возникшая на основе явления семантического синкретизма. Эти формулы были необходимы, поскольку

ку служили образцами, переносимыми из произведения в произведение, которые отражали представления древнего человека о мире. Самой продуктивной группой ОГИО стала та, которая образуется по модели «глагол + существительное (В. п.)» (*въздавати почестья*), обладающая преимущественно объектным значением. Именной компонент зачастую будет более важным для древнерусских ОГИО, поскольку содержит в себе основную семантику ритуальных действий. Описательный глагольно-именной оборот содержит указание на особый денотат, который одновременно является и объектом, и результатом совершаемого действия. Глагольный компонент мог подвергаться как полной грамматикализации, так и частично сохранять своё лексическое значение, которое влияло на общую семантику оборота. Мы можем также наблюдать, что варьирование компонентов ОГИО прослеживается на всех языковых уровнях. Во многом это является отражением развития древнерусской языковой системы. Варьирование иллюстрирует развитие речевого употребления устойчивых оборотов.

Статья поступила в редакцию 20.01.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобров А. Г. Древнерусская «мовь» // Труды Отдела древнерусской литературы. 2004. Т. 56. С. 94–120.
2. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
3. Дмитриева Н. С. К вопросу о субстантивных описаниях в современном русском языке // Филологические науки. 1970. № 4. С. 74–84.
4. Колесов В. В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.
5. Лагузова Е. Н. Описательный глагольно-именной оборот как единица номинации. М.: МГОУ, 2003. 243 с.
6. Лагузова Е. Н. Проблемы изучения описательных глагольно-именных оборотов в работах П. А. Леканта // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой памяти профессора П. А. Леканта. М.: МГОУ, 2019. С. 12–16.
7. Лекант П. А. Развитие форм сказуемого // Мысли о современном русском языке: сб. статей. М.: Просвещение, 1969. С. 140–154.
8. Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М.: Высшая школа, 1976. 142 с.
9. Носов И. С. Ядерная и периферийная лексика поля «убить» в древнерусском языке (на материале «Русской правды», договоров Руси с Византией и «Повести временных лет») // Русский язык в диалоге культур. 2017. С. 379–387.

¹ Повесть временных лет [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/?tabid=4869> (дата обращения: 14.01.2021).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

10. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
11. Пименова М. В. Концептуальные формы русской ментальности и семантический синкретизм // Лексикология. Лексикография (русско-славянский цикл). Русская диалектология. Когнитивная лингвистика: материалы секций XLV Международной филологической конференции. СПб.: Изд-во ВВМ, 2016. С. 87–91.
12. Пименова М. В. Лексикографическое описание древнерусских устойчивых сочетаний слов (на материале глагольных оборотов) // Вопросы лексикографии. 2020. № 17. С. 178–194.
13. Пименова М. В. Проблемы создания словаря устойчивых единиц в диахронии // Русский язык в поликультурном мире. 2018. Т. 1. С. 248–254.
14. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Ф. П. Филин. Вып. 9. М., 1982. 360 с.
15. Солнцев В. М. Вариантность // Лингвистический энциклопедический словарь: Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 80–81.
16. Филин Ф. П. О структуре современного русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1973. № 2. С. 3–12.

REFERENCES

1. Bobrov A. G. [Old Russian “мовь”]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], 2004, vol. 56, pp. 94–120.
2. Gak V. G. *Yazykovye preobrazovaniya* [Language conversion]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1998. 768 p.
3. Dmitrieva N. S. [On the issue of substantive descriptions in modern Russian]. In: *Filologicheskie nauki* [Philological sciences], 1970, no. 4, pp. 74–84.
4. Kolesov V. V. *Filosofiya russkogo slova* [The philosophy of the Russian word]. St. Petersburg, YUNA Publ., 2002. 448 p.
5. Laguzova E. N. *Opisatel'nyi glagol'no-imennoi oborot kak edinitsa nominatsii* [Descriptive verbal-nominal turnover as a unit of nomination]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2003. 243 p.
6. Laguzova E. N. [Problems of studying descriptive verbal-nominal phrases in the works of P. Lekant] In: *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke: sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora P. Lekanta* [Rational and Emotional in Russian: Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the memory of Professor P. Lekant]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2019. pp. 12–16.
7. Lekant P. A. [Development of predicate forms]. In: *Mysli o sovremennom russkom yazyke: sb. statei* [Thoughts on the modern Russian language: collection of articles. articles]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1969. pp. 140–154.
8. Lekant P. A. *Tipy i formy skazuemogo v sovremennom russkom yazyke* [Types and forms of the predicate in the modern Russian]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1976. 142 p.
9. Nosov I. S. [Nuclear and peripheral vocabulary of the field “to kill” in the Old Russian language (on the material of “Russian Truth”, agreements between Russia and Byzantium and “The Primary Chronicle”)]. In: *Russkii yazyk v dialoge kul'tur* [Russian language in the dialogue of cultures], 2017, pp. 379–387.
10. Peshkovskii A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in a scientific light]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2001. 544 p.
11. Pimenova M. V. [Conceptual forms of Russian mentality and semantic syncretism]. In: *Leksikologiya. Leksikografiya (russko-slavyanskii tsikl). Russkaya dialektologiya. Kognitivnaya lingvistika: materialy sekti XLV Mezhdunarodnoi filologicheskoi konferentsii. Sankt-peterburgskii gosudarstvennyi universitet, Filologicheskii fakul'tet* [Lexicology. Lexicography (Russian-Slavic cycle). Russian dialectology. Cognitive linguistics: Proceedings of the XLV sections of the International Philological Conference], 2016. pp. 87–91.
12. Pimenova M. [Lexicographic description of Old Russian stable word combinations (based on verbal phrases)]. In: *Voprosy leksikografii* [Lexicography questions], 2020, no. 17, pp. 178–194.
13. Pimenova M. [Problems of creating a dictionary of stable units in diachrony] In: *Russkii yazyk v polikul'turnom mire* [Russian language in a multicultural world], 2018, vol. 1, pp. 248–254.
14. Filin F. P., gen. ed. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 9* [Dictionary of the Russian language 11–17 centuries, Vol. 9]. Moscow, Institute of the Russian Language Publ., 1982, 360 p.

15. Solntsev V. M. [Variation]. Yartceva V. N., gen. ed. In: *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar': Yazykoznanie* [Linguistic Encyclopedic Dictionary: Linguistics]. Moscow, Great Russian Encyclopedia Publ., 2002, pp. 80–81.
16. Filin F. P. [On the structure of the modern Russian literary language]. In: *Voprosy yazykoznaniiya* [Linguistic issues], 1973, no. 2, pp. 3–12.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Константинов Егор Сергеевич – аспирант кафедры русского языка Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых;
e-mail: egor-konstantinov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egor S. Konstantinov – Postgraduate student at Alexander and Nikolai Stoletov Vladimir State University;
e-mail: egor-konstantinov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Константинов Е. С. Описательный глагольно-именной оборот: семантика, структура, функционирование (на материале «Повести временных лет») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 2. С. 22–29.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-22-29

FOR CITATION

Konstantinov E. S. Descriptive Verbal-nominal Turnover: Semantics, Structure, Functioning (Based on the “Primary Chronicle”). In: *Bulletin of Moscow Region State University, Series: Russian Philology*, 2021, no. 2, pp. 22–29.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-22-29